

В. В. КРАЕВСКИЙ,академик-секретарь Отделения
философии образования и теории педагогики РАО,
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ЦЕЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Вопрос о содержании образования — чему учить молодежь — принадлежит к числу вечных. И относится ко всем. На крутых поворотах истории он переходит в разряд общенациональных проблем. Как будут учить наших детей — так они и будут жить. С кого «делать» жизнь? Где искать пример для подражания, жизненный и воспитательный идеал?

В нашем Отечестве для людей таким идеалом был русский интеллигент, человек, по общим представлениям, многое знающий, глубоко чувствующий и сочувствующий, защитник обиженных и оскорбленных. Может быть, интеллигенцию и следует принять за идеал воспитания?

Однако простых и в то же время эффективных решений в сфере образования, как, впрочем, и во всех других, не существует. Само слово «интеллигенция» не однозначно. Оно на другие языки не переводится, поскольку, по более или менее общему признанию, отражает специфическую российскую реальность. Имеющиеся в литературе дефиниции всегда окрашены в цвета эпохи и в явной или неявной форме выражают субъективную эмоционально-ценностную ориентацию авторов. При всем разнообразии дефиниций и оттенков, которые в них отражаются, большинство сходится на том, что в понятие «интеллигент» включаются, кроме высокой степени развитости интеллекта, такие качества, как порядочность, высокая нравственность, приверженность общечеловеческим ценностям и стремление их распространять в обществе. В этом случае интеллигент выступает как представитель, по словам Д. Овсяннико-Куликовского, «образованной части общества, создающей и распространяющей общечеловеческие ценности».

Сочетание интеллектуальности и нравственности порождается особыми социальными условиями, в которых формировалась и существовала русская интеллигенция, по словам самих ее представителей: когда «в окружающей жизни мало простора» (А. Изгоев), когда «демократизация высшей культуры встречает непреодолимые препятствия» (Д. Овсяннико-Куликовский), когда интеллигенции приходилось просить «дозволения говорить вслух» (Н. Михайловский).

По-видимому, в этом направлении следует искать истоки непереводаемости слова «интеллигенция» на другие языки. В нормальном современном обществе нет необходимости в

специальной социальной группе «борцов за правду и справедливость». Там эту функцию берут на себя политические партии, пресса, правозащитные учреждения и другие органы социальной защиты. Интеллигенция — не «образованщина», не ассамблея людей умственного труда. Интеллектуалы еще не составляют интеллигенцию. Вполне актуальна модель П. Н. Милокова, представившего интеллигенцию и образованный класс в виде двух концентрических кругов, где интеллигенция обладает инициативой и творчеством, образуя тесный внутренний круг, а большой круг образованных людей является средой непосредственного воздействия интеллигенции.

Интеллигенция — как пружина. Чем меньше пространства — тем туже она сжимается и яснее проявляет себя в словах и действиях. Можно определить интеллигенцию и ее дело методом от противного. Русская интеллигенция формировалась в противостоянии известной формуле графа С. С. Уварова — православию, самодержавию, народности. Сегодня можно сказать то же другими словами — авторитаризм, клерикализм, национализм. Авторитаризм — искоренение свободомыслия, безнаказанность беззакония, гонение на прессу, явная или скрытая цензура. Клерикализм — покушение на принцип отделения церкви от государства, в частности, «размывание» светского характера образования, беспощинная торговля «дьявольским зельем» — табаком, невмешательство в бесчинства властей или участие в них, анафема в адрес интеллигенции (вспомним отлучение Льва Толстого от церкви), нетерпимость к представителям иных конфессий. Народность в форме национализма — соединенные с самолюбованием нелюбовь к другим странам и народам, неуважение к их обычаям. Все это обозначено метками «народный», «русский», «национальный» в названиях публикаций и партий, начиная с баркашевской РНЕ: «Национальная газета», «Я русский», «Славянин». Ревнители такой «народности» одаривают нерусских кличками: чурки, черномазые (есть словцо и покрепче), косяглазые, жида, обезьяны и т. д. Более эффективного средства для распада империй и федераций сегодня не существует.

Как в свое время дело Бейлиса проявило интеллигентность авторов обращения к русскому обществу — Мережковского, Гиппиус,

Вячеслава Иванова, Соллогуба, Блока, Куприна, Вернадского, Бенуа и двухсот студентов петербургского университета, так и недавние выступления известных деятелей науки и искусства в защиту свободы слова показали, что интеллигенция жива и социальная потребность в ней не исчезла. «Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обагрилась кровью, убивая одних, а других покрывая позором», — это напутствие авторов того давнего письма, к сожалению, звучит современно. Даже, можно сказать, злободневно, если подумать об «отказниках» — членах Государственной Думы, сначала не почтивших память шести миллионов жертв Холокоста, а затем вполне последовательно отказавшихся принять обращение к Президенту В. Путину с осуждением национализма, фашизма и антисемитизма в стране. Получается, что осуждать некому, кроме интеллигенции.

Для полноты картины нужно было бы привести еще одно, достаточно хорошо известное определение интеллигенции, принадлежащее вождю мирового пролетариата, которому она так сильно мешала, что по соображениям гуманности была в количестве двухсот человек коллективно отправлена за границу («корабль философов»). Отправили на «свалку истории» цвет нации, которая, по словам отправителя, вовсе не цвет, а нечто такое, что в собраниях сочинений этого автора стыдливо помечали многоточием.

Картина была бы неполной без упоминания о возможности обратного хода. Пролетарский писатель, подписавший обращение по делу Бейлиса, автор «Окаянных дней», стал со временем поклонником НКВД. Молчит обличитель ГУЛАГа. Раскаявшийся автор «Зияющих высот» ныне заполняет страницы «народных» изданий публикациями противоположного толка. Так бывало и раньше. Для интеллигенции это не смертельно. Отставку ей может дать лишь выздоровление общества. Врач не нужен, когда пациент больше не болен. Пока же дел хватает.

Особенно интеллигенция раздражает власть неприятием единомыслия, которое на самом деле невозможно для homo sapiens. Оно всегда будет лишь имитацией, эфемерное существование которой можно некоторое время поддерживать дубиной и пряником.

Сейчас линия размежевания становится все отчетливей. Можно назвать некоторые ее участки: отношение к полковнику — убийце чеченской девушки, к железному Феликсу, к независимым СМИ, к большевистскому гимну, к Холокосту, к фашизму в немецкой форме, т. е. к нацизму. Опять мы на распутье. Самое время услышать голоса Вернадских,

Куприных, Лихачевых и Сахаровых наших дней. Не хватает морального образца, явленного в этих людях. Когда отмечали восьмидесятилетие со дня рождения А. Д. Сахарова, горьким напоминанием прозвучали юбилейные стихи Е. Евтушенко:

Как не хватает Сахарова нам,
Когда в погоне жалкой за престижем
Никто из нас не может быть пристыжен,
Хотя б одним, кто не замаран сам!

Оказалось востребованным подвижничество — главное, что отличает русского интеллигента от интеллектуала. Так было во времена господства тоталитарной секты большевиков. А теперь на почве, политой кровью «врагов» народа, из семян, посеянных его «друзьями», растет и набирает силы коричневое древо макашизма-баркашизма.

На фоне такого довольно сумеречного пейзажа приходится решать проблемы образования. Итак, с кого же брать пример? Должны ли мы воспитывать интеллигента, то есть стремиться сделать интеллигентами всех?

Интеллигенция, как мы видели, — категория исторически и географически ограниченная. Лучше говорить в этом смысле об интеллигентности как о качестве личности, которым в идеале должны обладать все, а не только избранные. Здесь открывается широкое поле действий для школы, для образования вообще.

По отношению к образованию интеллигентность выступает как его интегральная цель, которую необходимо конкретизировать в контексте педагогики — науки об образовании. В сущности, интеллигентность — это приобщенность к культуре, воплощающей опыт человечества, приобретенный им на его многотрудном пути. Поэтому и содержание образования, целью которого было бы воспитание интеллигентности, должно представлять собой педагогически адаптированное содержание человеческой культуры, взятой в аспекте социального опыта.

Это положение не является бесспорным. В настоящее время сосуществуют несколько концепций содержания образования, сформировавшихся в разное время и связанных с различным пониманием социальной функции человека в мире и в обществе. Истоки противостояния демократии и гуманизма, с одной стороны, и авторитарных позиций — с другой, в конечном счете восходят к разному пониманию этих функций: человек — цель или средство, общество для него или он для общества, для государства?

Обличья, которые принимает авторитаризм, многообразны. Одно из определений содержания образования, имеющее достаточно

давнее происхождение, трактует его как педагогически адаптированные основы наук, изучаемые в школе. Эта концепция направлена на приобщение школьников к науке и производству, но не к полноценной самостоятельной жизни в открытом обществе. Фактически человек выступает здесь в ряду средств производства как «производительная сила». Такое представление о целях и содержании образования было заложено в постановлениях ЦК ВКП(б) о школе, принятых в 1930-х годах.

С точки зрения мировоззренческой ориентации такое понимание содержания образования и других педагогических реалий можно охарактеризовать как сциентистское. Сциентизм абсолютизирует роль науки в системе культуры человеческого общества. При этом наивысшей ценностью считаются стиль и общие методы построения знания, свойственные естественным и точным наукам, которые рассматриваются в качестве образца научного знания вообще. Сциентистские установки выражаются во внешнем подражании точным наукам: в искусственном применении математической символики и в придании философским и социально-гуманитарным рассуждениям формы, характерной для точных наук.

В соответствии с такими установками любой учебный предмет в школе рассматривался как несколько уменьшенная копия какой-либо научной дисциплины. Но сильно сокращать содержание науки не хотелось. В результате долгие годы школу терзает так называемая «перегрузка», т. е. перенасыщение стандартов, учебников и других учебных материалов деталями, сложными терминами, теоретическими подходами, непосильными для понимания учеников и ненужными для жизни. Лучше, чем в научных трудах, об этом сказано в песне Аллы Пугачевой:

Нагружать все больше нас
 Стали почему-то.
 Нынче в школе первый класс
 Вроде института.
 Нам учитель задает
 С иксами задачи.
 Кандидат наук — и тот
 Над задачей плачет.

Так, литературу изучали как литературоведение. Выступая в 1980-х годах в печати, писатели сетовали на то, что в школе разрушают целостное, эмоциональное и непосредственное восприятие художественного произведения. Школьный курс истории изобилует датами, именами, известными лишь специалистам.

В последние десятилетия (ориентировочно с 1960-х годов) в общественном и, конеч-

но, в педагогическом сознании произошел сдвиг, повлекший за собой, в частности, продвижение в понимании всего комплекса вопросов, связанных с образованием. Стремление к отказу от жестких авторитарных схем, связанных с манипулированием сознанием учащихся, и ориентация на всестороннее развитие, проблемное обучение повлекли за собой в 1970–80-х годах усиление внимания к философскому, методологическому и теоретическому осмыслению педагогической науки и практики (что необходимо и им, и обществу), приобщение педагогики к активному участию в жизни, соединение бытия индивидуального человека с культурой.

В контексте этих тенденций был предложен культурологический подход к построению концепции содержания общего среднего образования, соответствующий установкам гуманистического мышления. В соответствии с этим подходом содержание образования рассматривается как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, изоморфный, то есть тождественный, по структуре (разумеется, не по объему) человеческой культуре во всей ее структурной полноте.

Содержание, изоморфное социальному опыту, состоит из четырех основных структурных элементов: опыта познавательной деятельности, фиксированной в форме ее результатов — знаний; опыта осуществления известных способов деятельности — в форме умений действовать по образцу; опыта творческой деятельности — в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений — в форме личностных ориентаций.

Усвоение этих элементов социального опыта позволит человеку не только успешно функционировать в обществе, «вписываться» в социальную систему, приспособливаться к ней, но и действовать самостоятельно, творчески. Концепция ориентирует педагога на специальную работу, содействующую становлению человека, способного к сопереживанию, готового к свободному гуманистически ориентированному выбору, индивидуальному интеллектуальному усилию и самостоятельному, компетентному и ответственному действию в политической, экономической, профессиональной и культурной жизни, уважающего себя и других, терпимого к представителям других культур и национальностей, независимого в суждениях и открытого для иного мнения и неожиданной мысли.

В последнее время появились признаки «отката» к временам господства сциентистской ориентации, сводящей школьное обра-

зование к основам наук. В совсем недавней публикации «Новой газеты» по проблемам реформирования образования говорится: «Содержание образования — самый больной вопрос для разработчиков. Это поле оказалось ими не возделано — руки не дошли — и было сдано без боя чиновникам, которые явочным порядком учинили на нем ползучую контрреволюцию, пытаясь подогнать содержание образования под “новые” стандарты, основанные на постановлениях ЦК ВКП(б) 30-х годов». (Это вовсе не шутка, а факт.) (Сергей Михалыч. Учителей, детей и родителей просим беспокоиться // Новая газета. 2001. 23–25 апреля. № 29 (672). С. 16.) Рекомендованы сокращение часов, отведенных на изучение литературы, и замена сочинения изложением. Значит — учим овладению умением не выражать свои мысли, а пересказывать чужие. Говорит директор школы А. Тубельский: «Очевидно, что изучение точных наук — далеко не единственный способ познания мира. Но нас по-прежнему продолжает устраивать, что в школе дети в основном изучают именно точные науки. Неужели мы и правда думаем, что знание графиков, функций и амфотерных гидроксидов в жизни пригождается

больше, чем умение читать и любить книги?» (Духовной пищи станет меньше // Общая газета. 2000. 9–15 ноября. № 45 (379))

Что остается в головах выпускников школы от образования такого содержания? Очень немного. Проведенный недавно опрос ста учителей на предмет знания ими материала, включенного в экзаменационные билеты для школьников, показал, что, например, свободно на вопросы по физике могут ответить от 11 до 18 респондентов, причем 11 из них являются учителями физики. Понятие аллотропии не известно 59 участникам опроса, и только 1 из 100 считает, что это должен знать каждый культурный человек.

И все же основания для оптимизма есть. Движение вперед можно задержать, но не остановить. Вряд ли сторонникам самодержавия и прочего в том же роде удастся предотвратить выход на общественную арену поколения патриотов без кавычек — интеллигентных людей, способных противостоять самовластью, мракобесию и насилию. Тогда не будет надобности в подвижничестве многих, и историческую миссию интеллигенции в России можно будет считать завершенной.